

В. С. Лазарев,

руководитель группы науч. инфор. и патентования
(НИИ гематологии и переливания крови Минздрава БССР)

БИБЛИОМЕТРИЯ

Предложенный 30 лет назад термин «библиометрия» был определен как «применение математики и статистических методов к книгам и иным средствам коммуникации» [30, 348]. За последующие годы, несмотря на появление ряда теоретических работ по библиометрии, исходная расплывчатость значения термина преодолена не была, как не появилось, на наш взгляд, и логически непротиворечивой его трактовки. Более того, до сих пор отсутствует четкий ответ на вопрос о том, составной частью какой, собственно, науки социально-информационно-коммуникативного цикла* является библиометрия.

Так, основоположник термина «библиометрия» А. Причард называл ее «статистической библиографией» [30, 348], что равносильно включению библиометрии в библиографоведение. Такая точка зрения может быть объяснена тем, что наиболее распространенной методической составляющей библиометрии является статистический анализ библиографических ссылок [5], с появлением которого в качестве исследовательского метода [2, 28] и началась, по сути, признанная история библиометрии. В то же время существует небезосновательное мнение О. И. Воверене о том, что данный исследовательский метод является (или, во всяком случае, становится)

* Отсутствует общепризнанная точка зрения на обобщающее наименование так называемых информационных наук. Поэтому автор придерживается того обобщающего терминопотребления, которое представляется ему наиболее приемлемым [20]. Громоздкость же словосочетания «социально-информационная коммуникация» обусловлена следующим: слово «коммуникация» дополняется определением «информационная» для отграничения «от теорий, имеющих своим объектом транспортную, энергетическую и другие «неинформационные» коммуникации» [20, 1]; определение же «социальная» нужно для отграничения биологической или машинной информации [20, 2].

общенаучным [5]; вне зависимости от этого О. И. Воверене безоговорочно считает библиометрию «структурной частью методологии информатики» — и только информатики [5]. М. Бониц [26] и В. И. Горькова [6] относят библиометрию к библиотековедению. Обсуждение вопросов теоретических основ библиометрии остается, таким образом, весьма актуальной задачей.

Определение библиометрии, данное А. Причард, естественно, не оказалось единственным. Например, Д. Шмидмайер [31] понимает под библиометрией «направление исследований количественного анализа и измерения документов, используемых для записи и передачи знаний, а также применение статистических методик к исследованиям в библиотековедении и информатике». М. Бониц считает библиометрию комплексом математических и статистических методов, применяемых для изучения научных и ненаучных документов и библиотечных сетей [26]. По мнению Б. Стефаняк, «библиометрия... занимается применением количественных методов при изучении процессов, которым подвергается информация, передаваемая письменно...» [21, 19]. Список определений можно еще продолжить.

Первое, на что обращаешь внимание, анализируя существующие определения, это недостаточное внешнее единообразие. Так, например, если М. Бониц [26] понимает под библиометрией *свод методов* исследований, то Б. Стефаняк определяет ее как *деятельность* по применению этих методов [21].

Тем не менее, нетрудно заметить, что библиометрические исследования (согласно Б. Стефаняк — «библиометрия») трактуются как *количественные исследования документов* (отдельно взятых, из совокупностей или элементов; путем непосредственного к ним обращения или путем анализа библиографических сообщений — в данном случае несущественно). Таким образом, не может быть сомнений, что объектом библиометрии является документ. Что же касается некоторых иных положений приведенных определений, то они нуждаются в уточнении. Так, формулировка фрагмента одного из определений («применение статистических методов к исследованиям в библиотековедении и информатике» [31]) представляется нечеткой и избыточной. Дело в том, что в качестве объекта библиометрии уже был назван документ [31], который является не только составной частью объекта

библиотекведения, понимаемого как совокупность документов, читателя, библиотекаря и материально-технической базы, что в целом образует библиотеку как такую [22], но и научной информатики, где под объектом понимают научную информацию и научную коммуникацию [19, 17], что подразумевает включение в объект в качестве составной части документа, являющегося носителем информации и средством коммуникации. Объект библиометрических исследований (документ) близок к объекту книговедения (книга, произведение печати) и опосредованно включен в объект библиографоведения [9, 32], что позволяет сделать вывод о возможности применения библиометрии и в данных науках. Собственно, это и вытекает из первой части определения Д. Шмидмайера [31], вторая часть которого оказывается, таким образом, нечеткой, так как в ней нет упоминания всех наук, где применение библиометрии уместно, а избыточной — поскольку названный объект позволяет идентифицировать эти науки без дополнительных пояснений. Остается неясным, сохраняет ли Д. Шмидмайер за библиометрией «право» на использование ее в науках, не названных в определении.

Дополним сказанное. При рассмотрении объектов наук социально-информационно-коммуникационного цикла мы использовали традиционное понимание их объектов. Вместе с тем в работе А. В. Соколова [19] содержится попытка их переосмысления. Так, объектом библиотекведения А. В. Соколов считает систему *документальной* коммуникации; тот же объект, по его мнению, имеет библиографоведение [19, 37]. Что до научной информатики, то система документальной коммуникации частично входит в состав ее переосмысленного объекта — системы научной коммуникации [19, 37]. С этих позиций возможность включения библиометрии в методологический аппарат трех наук становится еще более очевидной.

Нам не вполне ясна позиция М. Боница [26], включившего в объект библиометрии как документ, так и библиотечную сеть. Если имеются в виду только документы, связанные с библиотечным процессом, излишне было бы упоминать о них, поскольку документ сам по себе является элементом системы «библиотека». Если же автор подразумевает документы и внутри и вне библиотечной сети, то не оказывается ли лишним само упо-

минание о ней, коль скоро при количественной оценке ее состояния опять же используются данные о документах, их наличии и циркуляции?

Сказанное подтверждает, что единства взглядов на содержание термина «библиометрия» авторами не достигнуто, а имеющиеся определения могут быть охарактеризованы как недостаточно четкие. На наш взгляд, это связано с нечетким осознанием *сферы* возможного применения библиометрии и неоднозначным пониманием ее *объекта*.

В самом деле, в приведенных определениях библиометрии, несмотря на стойкую традицию к изучению с ее помощью по преимуществу *научных* документов, именно научный документ в качестве объекта называется далеко не всегда. В ряде работ [5; 21; 30; 31] говорится о документе вообще. И если из контекста некоторых публикаций все же следует, что авторы подразумевают все-таки *научный* документ (не оговаривая это специально), то у М. Боница [26] формулировка однозначна: как научные, так и иные виды документов оказываются в сфере применения библиометрии.

Обратимся к истории. Некоторые российские книговеды и библиотековеды прошлого выводили то, что сегодня мы назвали бы библиометрией, далеко за пределы *научных* коммуникаций. Утверждение Ю. А. Мережко (процитированное А. Н. Ваневым), что «статистика духовной культуры должна быть ничем иным как статистикой книг» [4, 52] мы склонны прежде всего воспринимать как указание (во всяком случае, намек) на применимость библиометрии не только к научным, но и к иным видам документов.

Итак, следующий шаг в анализе приведенных определений приводит к выводу о необходимости некоторой конкретизации объекта библиометрии. Им оказывается *любой* документ (как научный, так и ненаучный). С учетом достаточно четкого наименования объекта в значительной части определений это уточнение кажется на первый взгляд излишним. Однако практика использования библиометрических исследований по отношению преимущественно к научным документам и употребления рядом авторов термина «документ» лишь для обозначения научных документов заставила нас прибегнуть к нему.

Для дальнейшего приближения к приемлемому ва-

рианту определения библиометрии обратимся теперь к анализу точек зрения на используемые *библиометрические приемы*. Он необходим для определения статуса входящих в комплекс «библиометрия» методов, могущего служить признаком специфической принадлежности метода к той или иной науке [5, 4].

Методические приемы библиометрии, в сущности, хорошо известны. Тем не менее даже анализ уже приведенных определений показывает, что, как и в случае с определением термина, здесь имеет место ситуация «знакомому незнакомца», т. е. недостаточное теоретическое осмысление накопленного опыта. Так, например, И. В. Маршакова [12], фактически вступая в противоречие с собственным определением, выводит за рамки библиометрии анализ цитирования — общепризнанный библиометрический прием, применявшийся, по данным О. Воверене, в 68,4 % рассмотренных библиометрических исследований, результаты которых были опубликованы с 1911 по 1982 г. [5]. В работе О. Воверене со ссылкой на публикацию А. Причарда и А. Уиттинга [29] приемами библиометрии названы: 1) анализ цитирования; 2) анализ вторичных информационных изданий; 3) анализ количественных характеристик первичных документов; 4) количественный анализ публикаций отдельных авторов и их цитирования; 5) количественный анализ публикаций ученых отдельных стран и коллективов; 6) теоретические исследования закономерностей роста, старения, рангового распределения научных документов; 7) контент-анализ и 8) «прочие вопросы, связанные с распределением научных документов» (?! — В. Л.).

Нетрудно заметить, что четвертый и пятый «методы» сводятся к известным приемам использования первых трех; шестой не является собственно методом, но это — теоретическое осмысление результатов использования первых трех методов; наконец, формулировка восьмого приема настолько расплывчата, что его можно не рассматривать. В публикации Д. Шмидмайера [31] названы приемы: 1) учет опубликованных работ (читай: появившихся документов); 2) учет их использования; 3) анкетирование отдельных лиц и групп и 4) «другие показатели, главным образом фиксированные записи, компиляции и оглавления опубликованных работ». При этом первый и четвертый приемы, названные Д. Шмидмайером, равнозначны третьему и второму из приведенных в статье

О. Воверене и нацелены прежде всего на измерение количества *фактически существующих* документов. Второй прием, названный Д. Шмидмайером, пересекается с первым приемом О. Воверене и нацелен на измерение *использования* документов, возможно, путем анализа не только цитирования, но и заказов, книговыдач и т. п.; во всяком случае, учет разнообразных обращений к документам пользователей также является обычным приемом библиометрических исследований и не помянут в цитируемых работах, видимо, по недоразумению. Третий прием, названный Д. Шмидмайером, позволяет определить *мнения* о документах, а седьмой прием из названных О. Воверене дает определенное представление о *содержании* документов. Таким образом, библиометрия представляет собой комплекс таких приемов, как анализ первичных документов и вторичных информационных изданий (что используется для установления количественных характеристик существующих документов или их элементов), учет цитирований документов и обращений к ним (для оценки их использования, а опосредованно — для определения их ценности [11]), анкетирование (для изучения мнений о документах или их элементах), контент-анализ и ему подобные методы (для оценки их содержания).

Этот вывод не только проливает свет на методическую структуру библиометрии, но и имеет значение для осознания места библиометрии в сфере наук социально-информационно-коммуникационного цикла. Дело в том, что для определения специфичности методов конкретной науки считается необходимым рассмотреть не только общность (несовпадение) объекта методического комплекса с объектом дисциплины, науки, но также и вопрос об определении с его помощью ее закономерностей, подтверждающихся общественной практикой и используемых для ее совершенствования [5,4]. Поэтому при решении вопроса о специфичности библиометрии для конкретных наук социально-информационно-коммуникационного цикла необходимо прежде всего уточнить сам круг приемов, входящих в методический комплекс «библиометрия», сравнить их с методами, применяемыми в исследованиях по данным наукам.

Отнесение библиометрии к структурной части методологии какой-то одной науки социально-информационно-коммуникационного цикла вызывает сомнение, если срав-

нивать объект библиометрии с объектами этих наук. Это сомнение становится более обоснованным при рассмотрении применимости в этих науках библиометрических приемов. В самом деле, хотя использование анализа библиографических ссылок — распространеннейшего библиометрического приема — получило наиболее широкое распространение именно в исследованиях, которые квалифицируются как исследования по информатике [5, 4], тем не менее очевидна необходимость в подобных исследованиях и в библиографоведении и в библиотековедении, а также возможность их проведения в книговедении. И если активность их проведения в этих науках оказывается недостаточной, то причина здесь, надо полагать, не в библиометрии, а в исследователях, избегающих объективно необходимого количественного подхода [15]. Вместе с тем отмечается относительно высокая интенсивность таких исследований в библиотековедении [5, 2]; количественные подходы к оценке документальных потоков и вторичных информационных изданий успешно развиваются в библиографоведении [8].

Контент-анализ, как известно, применяется при составлении библиографических пособий [23] и, надо полагать, вполне уместен в исследованиях по библиографоведению. Учет заказов и книговыдач — распространеннейший прием библиотековедческих исследований, и его корни следует искать в библиотечной статистике. Подсчет первичных документов, являясь элементом библиотечной статистики, используется и специалистами в области отраслевых библиографий при изучении документальных потоков.

Обратимся теперь к рассмотрению взглядов авторитетных специалистов на содержание частнонаучных (специальных) методов библиотековедения, библиографоведения и научной информатики [1] для сравнения названных ими частнонаучных методов с «арсеналом» библиометрии.

Известно, что в библиотековедении широко используются общенаучные методы [1, 56], а «специальные методы исследования... ждут своего теоретического анализа» [1, 59]. Г. К. Пузиков идет дальше, утверждая, что «единственный специфический метод библиотековедения — это *метод комплексного применения методов различных наук*» [17, 6]; фактически на тех же позициях стоит и Г. К. Кузьмин, указывающий на важ-

ность применения приемов «различных наук для отражения библиотечного дела» и справедливо отмечающий, что «специфика библиотечного объекта неизбежно приводит к модификации всех заимствованных понятий и методов, иной их комбинации в процессе использования в конкретных библиотековедческих исследованиях» [10, 31]. Тем не менее отмечаются группы частнонаучных методов библиотековедения, среди которых — методы изучения читателей и методы раскрытия состава фондов [1, 66]. Понятно, что количественная оценка данных анкетирования занимает определенное место в первой из названных групп (полезные сведения о читателях могут быть получены путем изучения их отношения к тем или иным документам!), а подсчет первичных документов — во второй.

В библиографоведении известны следующие группы методов: 1) раскрытия содержания фондов, они же применяются в библиотековедческих исследованиях; 2) изучения документальных потоков [1, 66]. К первой группе может быть отнесен контент-анализ [23], а во вторую неизбежно попадают анализ вторичных информационных изданий, библиографических ссылок, учет обращений к документам, количественный анализ первичных документов и их элементов.

Методы научной информатики — это методы изучения документальных потоков, в число которых не могут не входить только что названные библиометрические приемы, а также методы изучения информационных потребностей [1, 66]. К последним, как известно, относятся анализ библиографических ссылок и анкетирование с возможной последующей статистической обработкой данных.

Несколько слабее увязываются библиометрические приемы с частнонаучными методами книговедения. Тем не менее, коль скоро указано, что в книговедении распространено изучение «первичного и вторичного документальных потоков» [1, 54], то библиометрические приемы изучения первичных документов и вторичных информационных изданий могут оказаться уместными и здесь.

Таким образом, в четырех названных науках социально-информационно-коммуникационного цикла используются или могут использоваться методы из комплекса «библиометрия» (обратим внимание на плотное их вхождение в свод частнонаучных методов библиографоведения)

ния!). Однако констатировать их применимость мало, необходимо установить, насколько *специфичен* библиометрический подход для различных наук. А для этого необходимо ответить на вопрос, одинаковы ли возможности библиометрических методов для установления закономерностей данных наук [5].

При рассмотрении такого библиометрического приема, как анализ библиографических ссылок, О. Воверене приводит достаточно веские аргументы в пользу специфичности данного подхода для научной информатики, утверждая, что с помощью учета библиографических ссылок определены основные ее закономерности [5]. Под такими имеется в виду «закон Бредфорда», закономерности старения и экспоненциального роста потоков научной информации. Вместе с тем следует отметить, что вопрос о закономерностях наук социально-информационно-коммуникационного цикла также далек от однозначного решения, поскольку есть основания сомневаться, что «закон Бредфорда» (описанный, кстати говоря, на материале исследования не библиографических ссылок, а библиографических пособий, подготовленных возглавляемым С. К. Бредфордом коллективом [27], т. е. с использованием другого библиометрического показателя) может быть монополизирован информатикой.

В самом деле, это «закон» в своей канонической формулировке описывает не распределение научной информации как таковой, но научных *документов*, т. е. явления, входящего в объект *всех* рассмотренных наук и не полностью совпадающего с объектом научной информатики. (Можно вспомнить и то, что в специальной литературе Бредфорда называют не информатиком, и даже не «документалистом», а библиографом [13, 92]; не лишена интереса в данном вопросе и точка зрения Д. Ю. Теплова на «закон Бредфорда» как на достояние библиографоведения [24, 22] — точка зрения, опровергавшаяся [9, 26], но в контексте сказанного привлекательная.) Равным образом «закономерность старения» и тенденция к экспоненциальному росту документальной информации касаются в той или иной степени не только объекта информатики, принятого О. Воверене [5], но и объектов библиографоведения, библиотековедения и книговедения. Кроме того, для библиографической и библиотечной деятельности они имеют настолько большое значение, что сегодня вряд ли можно представить себе сколь-либо успешно развивающуюся

библиотечную систему, при функционировании которой не использовались бы концепции роста и «старения». Без учета явлений роста и «старения» документов нельзя выносить и объективных суждений о потребностях специалистов в библиографической информации. Отметим, что в настоящее время концепция «старения» подвергается самому серьезному пересмотру [14, 16]. Разработки В. М. Мотылева ставят под сомнение правомерность сегодняшней концепции «старения», вследствие чего вопрос о последней закономерности, возможно, вообще следует оставить открытым.

Итак, можно ли считать доказанным, что библиометрия является структурной частью методологии всех названных наук социально-информационно-коммуникационного цикла? Это было бы доказанным, если бы в качестве основных закономерностей всех этих дисциплин специалистами единодушно признавались именно те закономерности, которые монополизированы научной информатикой и рассмотрены в статье О. Воверене. Однако дело обстоит по-иному. Если Д. Ю. Теплов [24] и занимал фактически такую позицию, то под воздействием идей О. П. Коршунова [9, 93] в библиографоведении господствует иная точка зрения. Согласно ей основной закономерностью признается закон оптимальной реализации соответствий в системе «документ-потребитель» (т. е. в системе документальных коммуникаций) или «закон двойного соответствия», который реализуется через основные функции библиографии.

Что же касается основных закономерностей библиотекведения, то, упоминая о таковых, очень многие авторы предпочитают не называть их вообще. Получившие же признание точки зрения по этому вопросу также далеки от формулировок закономерностей научной информатики. Так, например, А. Н. Ванеев, признавая общающей теорией библиотекведения теорию руководства чтением [3, 39], считает, что коль скоро «чтение является одним из способов потребления духовной культуры, а руководство чтением, следовательно, частным случаем управления духовной жизнью общества» [3, 41], то «закономерности библиотекведения по своей сути вторичны, производны от основных закономерностей марксистско-ленинской теории культуры» [3, 42].

Далее, в работе Ю. В. Григорьева названа закономерность теории комплектования фондов — одного из

разделов библиотековедения, получившая название «закона соответствия» [7]. Согласно Ю. В. Григорьеву, «основой... теории комплектования книжных фондов советских библиотек должно быть соответствие состава и объема фонда, с одной стороны, задачам библиотеки и запросам ее читателей — с другой. Только при том условии может быть обеспечено максимально возможное использование фондов и целенаправленная их пропаганда библиотеками. Закон соответствия по его важности в первую очередь подлежит научной разработке, так как он позволяет найти пути ликвидации противоречий между запросами читателей и возможностями их удовлетворения при ведущей роли библиотеки, активизируя тем самым использование фондов, рост основных показателей их выдачи и чтение» [7, 69]. Понятно, что четкость этой формулировки оставляет желать лучшего. Можно, впрочем, полагать, что «закон Бредфорда» способен играть определенную роль как в разработке уточненной формулировки «закона соответствия» Ю. В. Григорьева (который был им скорее намечен, чем сформулирован), так и в его практическом применении; однако полной ясности по данному вопросу нет. Закономерности, о которых говорится в работе О. Воверене, вряд ли сколь-либо связаны и с большинством «законов библиотековедения» Ш. Ранганатана; впрочем, к формулировке его пятого закона «библиотека — растущий организм» определенное отношение они имеют. Сказанное справедливо и в отношении к одной из закономерностей библиотечного дела, сформулированных И. М. Фруминым, — к «закону непрерывного роста библиотек» [25, 67].

Итак, решение вопроса о «специфичности» библиометрических приемов для различных наук цикла, понимаемой не только как применимость метода для изучения объекта дисциплин, но и как возможность определения с его помощью закономерностей, подтверждаемых с помощью общественной практики и используемых для ее совершенствования [5, 4], оказалось осложненным из-за недостаточной, по нашему мнению, осознанности закономерностей библиотековедения и библиографоведения (мы позволим себе не рассматривать вопрос о закономерностях книговедения). Но сегодня вряд ли можно говорить и о полной ясности в вопросе о закономерностях научной информатики хотя бы потому, что названные О. Воверене закономерности касаются не всего

ее объекта, а лишь одного, хотя и важного его элемента, — научного документа. Более того, названные О. Воверене закономерности также не являются общепризнанными. Так, Т. С. Раджполан считает основными закономерностями этой науки «пять законов» Ш. Ранганатана в адаптированной применительно к научно-информационной деятельности формулировке [18].

Далее, не только объект библиометрии (документ) является частью объекта научной информатики, но в качестве *части объекта* научной информатики он рассматривается в ней не полностью, так как вне сферы ее компетенции остаются иные виды документов, составляющие часть объекта библиометрии, поддающиеся библиометрическим исследованиям, но не изучаемые этой наукой. Поэтому вывод О. Воверене о том, что библиометрия суть частно-научный методический комплекс информатики, действительно оказывается излишне категоричным.

Не являясь инструментом выявления *признанных* основными закономерностями иных наук социально-информационно-коммуникационного цикла, библиометрия как будто не может претендовать на статус структурной части их методологии. Вместе с тем совершенно ясно, что и в этих науках трактовки их основных закономерностей не являются бесспорными и, возможно, будут подвергаться переосмыслению. Кроме того, будучи направленной на изучение лишь части объектов библиотекovedения и библиографоведения (как и в случае с научной информатикой) и на явление, большее по объему, нежели объект книговедения (понятие документа шире понятия произведения печати — объекта книговедения), библиометрия все же может быть применена для изучения ненаучных документов, входящих в сферу компетенции этих наук, но не научной информатики.

Таким образом, определяя статус библиометрии среди наук социально-информационно-коммуникационного цикла, мы можем говорить сегодня лишь о гипотезе, которая заключается в том, что библиометрия является структурной частью всего цикла наук*.

* В. И. Горькова разделяет точку зрения М. Боница на существование ряда «библиометрия — наукометрия — информетрия» [26] и считает, что, помимо библиометрии, существует «информетрия», изучающая количественные закономерности (какого объекта — не указано) «для совершенствования научно-информационной деятель-

До сих пор мы говорили о четырех науках цикла. Между тем наук, изучающих социальные информационные коммуникации, намного больше. Среди них — архивоведение, музееведение, теория массовой коммуникации и т. д. В рамках осуществляемых в них исследований применение библиометрии, вероятно, может быть также оправдано. Поскольку приведенный для определения «специфичности» библиометрии поиск основных закономерностей некоторых наук цикла не дал желаемой однозначности выводов, но вынудил вернуться к изучению сходства объекта библиометрии с объектами данных наук, то предположение (также основывающееся на сходстве объектов) о том, что библиометрия может выступать в качестве структурной части методологии всех (а не только рассмотренных) наук цикла, представляется вполне естественным. Разумеется, оно нуждается в тщательной проверке; однако это дело уже будущих исследований. Представляется, что широкое обсуждение данной проблемы научной общественностью, представленной специалистами различных социально-информационно-коммуникационных наук, оказалось бы серьезным стимулом для ее решения. Решение же вопроса усилиями только специалистов по научной информатике (равно как и любой иной науке цикла, взятой изолированно) вряд ли может быть удовлетворительным: по нашему мнению, если методический комплекс предположительно является

ности» [6, 6], и наукометрия, «изучающая количественные закономерности (чего? — В. Л.), используемые для совершенствования научной деятельности» [6, 6]. Далее она утверждает, что различие между библиометрией (предмет которой определяется как «количественная оценка документов для совершенствования библиотечной деятельности» [6, 6], наукометрией и информметрией «определяется несходством предметов и сфер применения, объективных количественных закономерностей, а также целей практической деятельности» [6, 6—7].

Эта точка зрения не может быть признана убедительной. В первых, предметы наукометрии и информметрии «определены» исключительно через сферу применения исследований; во-вторых, количественные исследования документов необходимы для совершенствования не только библиотечной, но также и научно-информационной, научной, а также и библиографической (о которой В. И. Горькова не упоминает) деятельности. Но тогда библиометрия «превращается» в «наукометрию» или «информметрию» просто в зависимости от задачи, которую ставит перед собой исследователь (однако топор не превратить в молоток, если им забивают гвозди), т. е. в зависимости исключительно от сферы применения. Фактически это — точка зрения М. Бонница, на ошибочность которой указано в [5, 4].

общим для цикла, то и теоретическое его осмысление следует вести совместными усилиями, стараясь рассматривать вопрос на метатеоретическом уровне в рамках обобщающей метатеории дисциплин цикла [19, 20]. Более того, именно в рамках формирующейся метатеории могло бы, вероятно, быть более успешным выявление основных закономерностей наук цикла, что, возможно, позволило бы успешнее решать вопрос о роли библиометрии в исследованиях этих закономерностей.

Остановимся, хотя бы кратко, на вопросе о предмете и принципе отграничения библиометрии, считая возможным выделение таковых не только для наук, но и методических комплексов. Если исходить из того, что «в качестве принципа отграничения может выступать характерное явление, присущее объекту... целевая установка или методический аппарат исследований» [19, 21], то в качестве принципа отграничения библиометрии, объектом которой является документ, может быть признана *возможность получения количественных характеристик документов и их элементов*. Что же касается предмета библиометрии, то им представляется естественным признать сами количественные характеристики фактически существующих и использованных документов, циркулирующих в системе социально-информационных коммуникаций, а также их свойств. Если же считать необходимым дополнение рабочего определения указанием на цель проведения библиометрических исследований, то в качестве такового может быть названо совершенствование социально-информационного документального обслуживания с применением знаний о закономерностях в системе документальных социально-информационных коммуникаций.

Так что же такое библиометрия?

Краткий ответ на этот вопрос (если согласиться со всем сказанным автором выше) может быть таким: *библиометрия* — это методический комплекс, общий для наук социально-информационно-коммуникационного цикла и используемый для проведения количественных исследований документов. К сожалению, этот ответ является лишь проектом корректного определения библиометрии.

Итак, если однозначного определения библиометрии нам получить не удалось, то вместе с тем очерчены границы ее применения, упорядочено осмысление библиометрических методов, уточнено представление об объекте

библиометрии, сформулированы рабочие определения ее предмета и принципа отграничения.

1. Баренбаум И. Е., Крейденко В. С., Леонов В. П. Общенаучные и специальные методы книговедения, библиотековедения, библиографоведения и информатики // Связь библиотечно-библиографических дисциплин с информатикой: Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1982. С. 47—68.

2. Вальден П. И. О развитии химии в России // Дневники П Менделеевского съезда (21—28 дек. 1911 г.). СПб, Б. г. № 4-8. С. 124—141.

3. Ванеев А. Н. Основные закономерности развития библиотечной мысли в зрелом социалистическом обществе // Сов. библиотековедение. 1978. № 5. С. 35—50.

4. Ванеев А. Н. Развитие библиотековедческой мысли в СССР. М.: Книга, 1980. 232 с.

5. Воверене О. Библиометрия — структурная часть методологии информатики // НТИ. Сер. 1. 1985. № 7. С. 1—5.

6. Горькова В. И. Информетрия (Количественные методы в научно-технической информации) // Итоги науки и техники. Сер. Информатика / ВИНТИ. М., 1988. 328 с.

7. Григорьев Ю. В. Методологические проблемы советского библиотековедения // Уч. зап. / Моск. гос. ин-т культуры. М., 1968. Вып. 15. С. 50—75.

8. Документальные потоки по естествознанию и технике и проблемы библиографии. Сб. науч. тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1983. 167 с.

9. Коршунов О. В. Проблемы общей теории библиографии. М.: Книга, 1975. 191 с.

10. Кузьмин Г. К. Объект, предмет и методология современного библиотековедения // Сов. библиотековедение. 1983. № 3. С. 27—34.

11. Лазарев В. С. Учет заказов на копии статей в информационной работе (отклик на статью У. И. Б. Онунгбо) // Междунар. форум по информ. и докум. 1986. Т. 11. № 2. С. 40—41.

12. Маршакова И. В. Выявление тенденций развития науки и техники путем анализа документальных массивов // НТИ. Сер. 2. 1982. № 2. С. 1—5.

13. Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляровский Р. С. Основы информатики. 2-е изд. М.: Наука, 1968. 756 с.

14. Мотылев В. М. Изучение стохастического процесса изменения цитируемой литературы и возможности оценки ее старения // Междунар. форум по информ. и докум. 1981. Т. 6. № 2. С. 3—12.

15. Мотылев В. М. Методологические проблемы научных исследований в библиотековедении // Науч. и техн. б-ки СССР. 1981. № 8. С. 3—9.

16. Мотылев В. М. Сущность показателя «полужизнь» научной литературы // НТИ. Сер. 1. 1982. № 2. С. 1—5.

17. Пузиков Г. К. О методологии современного библиотековедения // Науч. и техн. б-ки СССР. 1980. № 10. С. 3—5.

18. Раджпалан Т. С. Использование информации о научных исследованиях в условиях национального развития: из опыта Индии // Междунар. форум по информ. и докум. 1984. Т. 9. № 3. С. 5—10.

19. Соколов А. В. Объекты и предметы библиотековедения, библиографоведения и информатики (Метатеоретический анализ) // Связь библиотечно-библиографических дисциплин с информатикой: Сб. науч.

тр. / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1982. С. 10—46.

20. Соколов А. В. Система информационно-коммуникационных наук // НТИ. Сер. 2. 1985. № 4. С. 1—9.

21. Стефняк Б. Библиометрические и наукометрические исследования польской научно-технической литературы с помощью баз данных капиталистических стран // НТИ. Сер. 1. 1983. № 8. С. 19—24.

22. Столяров Ю. Н. Библиотека: Структурно-функциональный подход. М.: Книга, 1981. 255 с.

23. Теплов Д. Ю. Контент-анализ и проблемы библиографии // Сов. библиогр. 1985. № 5. С. 42—49.

24. Теплов Д. Ю. Развитие взглядов на предмет библиографии в работах отечественных библиографоведов // Труды / Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. 1968. Т. 19. С. 205—234.

25. Фрумин И. М. Библиотековедение: объект, предмет, функции // Библиотекарь. 1977. № 2. С. 64—68.

26. Bonitz M. Scientometrie, Bibliometrie, Informetrie // Zbl. Bibliotheksw. 1982. Bd. 98. Hf. 1. S. 19—24.

27. Bradford S. C. Documentation: 2 nd ed. London: Lockwood, 1948.

28. Gross P. Z. K., Gross E. M. College libraries and chemical education // Science. 1927. v. 66, № 1713.

29. Prichard A., Witting A. Bibliometrics: A Bibliography and Index. 1: 1874—1955. Watford: Allen Books, 1981. 160 p.

30. Prichard A. Statistical bibliography or bibliometrics // I. Doc. 1969. v. 25, № 4. P. 348—349.

31. Schmidmaier D. Application of bibliometrics in technical university libraries // Developing library effectiveness for next decade: Proceedings of the 7th Meeting IATUL, Leuven, 1977, 16—21 May. Jöteborg, 1978. P. 129—135.

Н. А. Сляднева,

канд. пед. наук

(Моск. гос. ин-т культуры)

**БИБЛИОТЕКА И БИБЛИОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМА
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ
(ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Дискуссия 1988—1989 гг. в сборнике «Советское библиотековедение» о соотношении библиотечных и библиографических процессов выявила парадоксальный, но закономерный факт: данный вопрос, несмотря на все достижения библиотечной и библиографической мысли, по сути не разрабатывался. Впрочем, мнений высказано немало. Ко многим примешиваются донаучные и околонаучные соображения, затемняющие дискурсивную суть проблемы. Так, О. П. Коршунов упрекает библиографов за амбициозность, стремление библиографии узурпировать права на библиотечные процессы [1, 47]; с ним единомышлен В. И. Терешин, считающий, что библио-